

ской деятельности при условии, что эта деятельность порождала конкретные результаты и оставила вещественные следы...» (Г. Чайлд).

¹ Краткое содержание доклада на пленарном заседании VIII Уральского археологического совещания.

В. Д. ВИКТОРОВА
Институт экономики УНЦ АН СССР

Обоснование программы археологического исследования поселений

Древние поселения с 20-х гг. стали предметом пристального внимания советских археологов¹. Результатом этой направленности исследования явилась методика раскопок большими площадями, разработанная в 30-е гг.² Она открыла широкие возможности для социологических и хозяйственных реконструкций жизнедеятельности различных эпох. Однако и там, где проводится большая серьезная работа по анализу остатков жилой среды³, набор описываемых признаков у разных авторов чаще всего не совпадает, неодинаковы также и критерии классификаций.

Данная статья представляет собой попытку обоснования содержательных установок формализации различных уровней исследования остатков жилой среды. Мы понимаем программу не как максимальный набор морфологических признаков, который можно наблюдать при внешнем осмотре и в процессе раскопок, а как систему теоретически осмысленных показателей, имеющих две функции — измерение и переход к концептуальной модели⁴. Решение задач каждого уровня исследования предусматривает свою логику анализа одного и того же материала, различный набор методов, особый способ связи с теорией.

Первый уровень археологического исследования — наблюдение визуальное и в процессе раскопок и фиксация его результатов. Программа должна соответствовать этапам полевой работы. Она начинается с *общей характеристики памятника*, включающей его название, административную принадлежность, время, культуру, степень исследования и публикацию материалов. Далее описываются признаки, фиксирующиеся на поверхности: *геоморфологические* (местоположение относительно водоема, высота берега, рельеф и т. п.); *сохранность памятника* (его внешние признаки, характер поверхности, следы разрушений); *характеристика культурного слоя*, раскрывающаяся в ходе рас-

копок. Именно эта часть программы требует содержательного обоснования.

От конкретно-исторических явлений прошлого на месте бывших поселений остался лишь культурный слой. Процедура наблюдения при раскопках есть прочтение этого слоя и его описание. Последнее в корреляции с зашифрованными вещными остатками становится источниковой базой последующих исторических реконструкций.

Глубина и полнота понимания исследователем культурного слоя обусловлена объективно и субъективно. К объективным факторам относится разработанность теории культурного слоя и определяемый ею уровень методики полевых исследований. К субъективным — степень овладения методикой, широта исторического мышления, умение осмыслять слои в панораме всего раскопа, тщательность полевой фиксации.

Создание теории культурного слоя в советской археологии началось в 30-е гг., когда археологические источники стали рассматриваться как базис исторических и социологических реконструкций. Большой вклад в этот процесс внесли исследователи палеолита⁵, но, к сожалению, их опыт и найденные эмпирические закономерности не обобщены. Специальные работы по теории культурного слоя немногочисленны⁶. Правильнее сказать, что теории культурного слоя, сформулированной в единой системе понятий и закономерностей, пока нет. В условиях расширяющейся полевой практики ее необходимость очевидна.

Теория культурного слоя призвана объяснить различные стадии археологизации — от разрушения древнего поселения после ухода его обитателей до наших дней, установить степень сохранности предметно-вещного мира прошлого, длительность заселения, синхронность или диахронность построек на поселении. Она должна опираться на материалы наук, изучающих почвообразующие и климатические процессы в различные исторические периоды, использовать экспериментальные данные.

Степень *сохранности* предметного мира на поселении колеблется от широкого набора предметов и фрагментов в торфяниках и вечной мерзлоте до минимального на песчаных дюнах. Поэтому *почвенные условия* — важнейшая характеристика культурного слоя. Сохранность культурного слоя зависит также от *рельефа*. *Стратиграфическая характеристика* может варьировать от четко фиксируемого слоя на однослойных, а также многослойных памятниках с хорошо выраженными стерильными прослойками до полной компрессии на многослойных смешанных памятниках с переотложенными слоями или следами современных разрушений. Различными могут быть *состав* (прослойки) и *мощность* культурного слоя в постройках и межжилищных пространствах, его *планиграфия*. *Характер первичного разрушения* поселений различается: от остатков полузакрытых жилищных комплексов, возникших в результате стихийных бедствий, до

открытых, образованных постепенным разрушением построек, покинутах в относительно спокойной обстановке.

Теория культурного слоя принадлежит к числу конкретных, прикладных. Ее содержательная интерпретация, объяснение того, что отложилось в различные компоненты культурного слоя, заключена в общей археологической теории.

Второй уровень исследования — моделирование жилой среды: внешнего вида и интерьера элементов поселения (построек различного назначения, площадок, ям и т. д.), внешнего вида фортификаций и поселения в целом.

Понятие «жилая среда» используется в архитектуре как антитеза терминам «природная среда» и «сфера производства». Оно мыслится как предметная (вещная) пространственно-временная организация жизнедеятельности человека⁷ в сферах воспроизводства его как социально-деятельностного и телесного существа, производства и воспитания нового поколения. Мы употребляем его при реконструкции первобытной жизнедеятельности, учитывая, что в той исторической реальности имело смысл противопоставление первого рода. Весьма относительным было разграничение производственной сферы и жилой среды, поскольку в пределах последней осуществлялась большая часть производственных процессов. Границы жилой среды могли иметь четкие предметные очертания в виде рва, вала, стены или определяться по локализации предметно-вещных компонентов поселения: жилищ, хозяйственных¹ и общественных построек или площадок, остатков производственной деятельности и пищевых отходов, дорог (троп) между постройками поселений и водоемом.

Реконструкция внешнего вида жилой среды возможна лишь при условии знания палеоландшафта и палеоклимата, законов домостроительства и фортификации, технологии производства орудий и переработки сырья. Она осуществляется по логике строительных циклов и функционирования жилой среды: подготовка площадки к застройке, создание поселка, перестройка отдельных элементов жилой среды, изменение ее площади. Восстановление компонентов жилой среды начинается с планировочных и завершается конструктивно-архитектурными⁸.

В описании остатков каждого компонента жилой среды и их взаимосвязей, подчиненном логике процесса раскопок, последовательность признаков противоположна реконструктивной: конструктивно-архитектурные; планировочные интерьера постройки; перестройки; планировки жилой среды в пределах поселения; планировки укреплений; подготовки площадки к застройке.

Третий уровень исследования — реконструкция жизнедеятельности на поселении — предусматривает воссоздание способов хозяйственной, семейно-бытовой и духовной деятельности, форм регуляции, демографических характеристик и образа жизни. Анализ материала производится по логике образа жизни, органическим элементом которой является конкретная жилая среда.

Жилая среда — важнейшее, но не единственное место средоточия жизнедеятельности человека. Его социальное пространство охватывает производственную территорию за пределами поселения (места охоты, рыбной ловли, собирательства, добычи камня и руды, поля и пастбища), места обмена деятельностью и отправления обрядов.

Четвертый уровень исследования — реконструкция истории конкретной социально-экономической и культурной целостности, выявление ее генезиса, этапов развития, установление характеристик образа жизни на протяжении определенного времени. В этом случае археологический материал и его интерпретация выстраиваются сообразно логике исторического развития конкретной общности.

В реконструкции любого уровня необходим единый масштаб для сравнительного анализа материала поселений региона (регионов) и комплексов (поселение — могильник — мастерская — жертвенное место и т. п.). Такой масштаб дает археологическая теория, построенная на основе генерализующего принципа предметно-практической деятельности. Она же содержит сущностную интерпретацию теории культурного слоя.

В учении К. Маркса о предметно-практической деятельности археологу необходимо понять социальный механизм создания предметно-вещного мира как творческое изменение форм, состава и свойств природных объектов соответственно их природе и сущностным силам человека-субъекта конкретно-исторической общности⁹. Изменяя пространственные характеристики природных предметов в процессе формообразования, человек создает социально значимый вещный мир, опредмечивая в новые, неприродные формы, пропорции, ритмы, составы, цвета, орнаментации предметов свои потребности, цели, знания, технологические навыки, традиционные способы деятельности и общения.

Нас интересует разработка принципа предметной деятельности при анализе жилой среды как вещных остатков социального пространства, в котором и посредством которого осуществлялись основные формы жизнедеятельности и вся совокупность общественных отношений исторической общности. Для развертывания этого принципа необходимо соотнесение данных социологии, демографии, архитектуры, дизайна с некоторыми эмпирическими закономерностями археологии и этнографии. Необходимо также использование материалов геологии, палеоботаники, палеозоологии и т. д.

Формообразование поселений происходило прежде всего соответственно особенностям конкретной природной среды. Эмпирически эта связь прослежена этнографией: тип (озерный, речной, водораздельный) и форма поселения (гнездовая, рядовая, замкнутая и др.)¹⁰ определялись характером водоема, рельефом, климатическими условиями. Формообразование жилищ, построек, укреплений осуществлялось с учетом особенностей при-

родного строительного материала, свойств орудий и строительной технологии.

Форма жилищ и валов, мощность стен и покрытий, характер крепления стен зависели от строительного материала и плотности грунта.

Формообразование соответственно сущностным силам человека конкретной общности включает ряд необходимых внутренних связей и зависимостей. Преобразование природных форм прежде всего отвечало общественным потребностям, которые закреплялись в предмете как его функциональное назначение¹¹. Поселения и жилища полифункциональны.

Их первое назначение — защита коллектива от природных и социальных явлений. С этим связаны: ориентировка жилища, форма выхода и его местоположение относительно водоема и господствующих ветров, наличие дренажных канавок и т. д. Поселок неолита и бронзового века мог быть огражден от диких животных рвом или частоколом. В конце бронзового и раннем железном веке для защиты от враждебной социальной среды появляются укрепления.

Другое назначение поселений и жилищ — обеспечение жизнедеятельности коллектива и ее организация. Она предполагает определенный численный состав обитателей поселка и каждого жилища, коррелированный с основными видами хозяйственной деятельности и формой семьи. Археологи неоднократно обращались к этнографии и демографии для палеоэкономического моделирования¹². Присваивающее и производящее хозяйство осуществлялось в основном за пределами поселений. Но поселения или жилища были прямо или опосредованно условиями осуществления и способами организации производственной деятельности, потому что виды деятельности на поселении можно рассматривать как производственное и бытовое потребление того, что было создано за его пределами.

Важнейший вид труда на поселении — производство орудий и оружия из сырья, полученного в результате собственной добывающей деятельности или путем обмена. Изготовление и правка орудий всех видов деятельности (и определение этих видов) могут быть установлены морфологическим, сравнительно-историческим и трасолого-экспериментальным анализом набора орудий с внезапно покинутых поселений. На памятниках с другими условиями археологизации реконструкция будет более относительна.

На поселениях фиксируется производство продукции бытового назначения длительного пользования (посуда, одежда, украшения), сохраняются следы переработки и потребления добытого охотой, собирательством и рыболовством, произведенного земледелием (кости животных и рыб, рыба чешуя, нагар на сосудах, обугленные зерна), орудия и средства переработки (зернотерки, сосуды для варки пищи и т. д.). Следы содержания

домашнего скота отмечаются в виде участков поселений и остатков построек с интенсивно окрашенным слоем и минимальным включением культурных остатков.

Результаты создания и перестройки жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений сохраняются в виде котлованов, ям, ямок, канав, углистых построек, обгоревшего дерева, позволяющих судить о материале, конструктивных и архитектурных замыслах древних строителей. Следы духовной деятельности по созданию и использованию обрядовых предметов представлены рисунками и пластикой, краскотерками и остатками краски, фрагментами ритуальных сосудов, черепами животных и др.

Отражая, с одной стороны, определенные общественные отношения, жилая среда, с другой стороны, выступает как форма организации этих отношений. Структура социальных, в том числе семейных, отношений определена в пространственно-планировочной организации поселения, жилища, а также в способе взаимосвязи вещных остатков в их пределах. Организация производственной деятельности закреплялась в планировке поселений (жилищ) в виде площадок с набором орудий, сооружениями хозяйственного назначения и отходами производства, мест хранения сырья или готовой продукции, очагов с кусками обожженной глины, шлаками, скоплением руды и т. п. Организация бытовой деятельности может быть зафиксирована в виде площадки для приготовления и потребления пищи, пищевых отходов, места для сна или отдыха в виде остатков деревянных или земляных нар, определенного размера участков в жилищах с малым включением находок и слабо окрашенным культурным слоем.

Взаимосвязь планировочных элементов на поселении позволяет выделить хозяйственную единицу. Ею могло быть жилище с прилегающими хозяйственными постройками. Экономическое целое могла составлять вся совокупность жилищ с общими хозяйственными комплексами.

Этнографы еще в XIX в. отметили зависимость размеров и внутренней планировки жилищ от формы семьи и строя домашней жизни¹³. Семейные отношения — наиболее древнее воплощение общественных отношений. Форма и размер семьи определяли минимум жилого пространства в виде малого (до 5 м²) или большого (свыше 100 м²) жилища. Последние нередко разделялись на камеры — малые жилые ячейки. Следы деревянных или земляных перегородок фиксируются в виде земляных валов или линий из столбовых ям, замыкающих площадки. Непременный признак жилой ячейки — наличие и определенное взаиморасположение очага, кухонного комплекса и места отдыха. Пространственным центром организации социальной единицы в постоянном жилище служил очаг, выполняющий бытовые, культовые и другие функции.

Наряду с потребностями к сущностным силам человека относятся его знания и навыки. В первобытном обществе знания

были непосредственно включены в деятельность. Формообразование поселений и жилищ осуществлялось соответственно знаниям об окружающей природной и социальной среде, о свойствах материалов, орудий и технологии строительной деятельности, об общественных потребностях семьи и общины. Знания в совокупности с навыками через строительную деятельность выражались в конструктивных, архитектурных и планировочных элементах жилых и иных сооружений.

Строительство выделилось в особый вид деятельности с появлением искусственных построек, созданных орудиями труда¹⁴, и подобно другим видам оно развивалось относительно самостоятельно. В его эволюции большую роль играла преемственность, которая проявлялась в формообразовании соответственно традициям, обычаям, обрядам, выраженным в определенной знаковой системе. В строительных традициях, обеспечивающих накопление, организацию и передачу социального опыта, следует выделить технологические и культурно-исторические.

Технологическая традиция осуществляется в совокупности черт-обычаев строить жилища из привычного материала (дерево, глина, камень, земля), придавать им определенную в плане форму (округлая, прямоугольная, многоугольная), определенным образом соотносить пол с дневной поверхностью (землянка, полуземлянка, наземное, на сваях). В соответствии с обычаями балочно-стоечные конструкции варьируют, оставляя различные сочетания ямок от опорных столбов, у срубов могут быть разные способы крепления. Технологическая традиция проявляется также в обычаях создавать определенной формы очаги (каменная вымостка, яма, обмазанная глиной деревянная рама), хранилища (прямоугольные или округлые ямы, ниши), входы (коридорообразные, с навесом, тамбуром и др.), определенным образом затесывать и ставить столбы, результатом чего являются различные сечения ямок.

Этнография фиксирует форму общественных отношений через систему традиций, обычаев, обрядов, ритуалов, праздников, т. е. в совокупности деятельности, общения и сознания людей конкретно-исторической общности. Они осуществлялись в условиях вещной среды и посредством предметов. Строительная деятельность наряду с технологическими традициями и обычаями включала обрядовую сторону. В первобытное время строительство, как и любая деятельность, осуществлялось достаточно жесткой последовательностью действий, в которых утилитарно-целесообразное перемежалось с символически-целесообразным. Символическая сторона действия наименее поощрена археологизацией. Этнографически известно, что планировка поселений традиционно связана с характером общественных отношений, а интерьер жилища диктовался обычаем¹⁵.

Итак, многие эмпирические закономерности, обнаруженные археологами при исследовании остатков жилой среды, находят

целостное объяснение в законах ее формирования, функционирования и разрушения. Они, на наш взгляд, и должны быть положены в основание формализации и типологии множества конкретных показателей, полученных в наблюдении и описании.

Данное обоснование программы рассчитано для анализа материалов с уральских поселений любого периода первобытной эпохи. На ее основе могут быть разработаны вполне сравнимые программы для каждого периода. При наличии подобных программ исследования для всех других видов памятников станет возможной реконструкция древних исторических процессов на большой территории.

¹ Брюсов А. Жилище: История жилища с социально-экономической точки зрения. Л., 1926; Киселев С. В. Поселение: Социол. очерк.— ТСТИ РАНИОН. М., 1928, т. 2.

² Борисковский П. И. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе.— СА, 1968, № 1, с. 3—4.

³ Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л., 1974.

⁴ Социологические показатели образа жизни советского общества. М., 1980, с. 44.

⁵ Ефименко Б. Б. Значение женщины в ориньякскую эпоху.— ИГАИМК, 1931, т. 11, вып. 3—4; Замятнин С. Н. Раскопки у с. Гагарино.— ИГАИМК, 1935, вып. 118; Рогачев А. Н. Палеолитические жилища и поселения.— В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970.

⁶ Брюсов А. Я. Некоторые теоретические основы хронологии неолита.— СА, вып. 18; Каменецкий И. С. К теории слоя.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

⁷ Рябушин А. В. Развитие жилой среды. М., 1976, с. 9, 23.

⁸ Циркунов В. Ю. О происхождении зодчества. М., 1965, с. 92—110.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 593—595.

¹⁰ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 28.

¹² Бибииков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита.— СА, 1969, № 4; Серегин В. Я. О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях.— СА, 1974, № 1; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

¹³ Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. М., 1934, с. 8.

¹⁴ Семенов С. А. Первобытная техника. М., 1957, с. 235; Циркунов В. Ю. О происхождении зодчества, с. 17.

¹⁵ Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896, с. 5—8.